

Н. С. Гончаров

**ЖИВОТНЫЕ В НАРРАТИВАХ НАСЕЛЕНИЯ
ПОСЕЛКА ЖИГАНСК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)***

АННОТАЦИЯ. Рассмотрены особенности взаимоотношений человека и животных и специфика восприятия животных человеком. Работа написана на основе полевого материала, собранного автором в ходе экспедиционной деятельности в поселке Жиганск Республики Саха (Якутия). Выбор животных и объем посвященного им текста напрямую связан с характером материала, которым располагает автор. Проанализированы нарративы о таких животных, как собака, медведь, рыбы, птицы, а также мамонты, которые оказывают опосредованное влияние (через добычу бивней) на хозяйственную и культурную жизнь поселка в наши дни. В результате автор раскрывает некоторые особенности концепта «домашний/дикий», производит группировку рассматриваемых животных и делает попытку анализа специфики взаимодействия с разными группами, опираясь на собранный материал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отношение человека и животных, восприятие, взаимодействие, собака, медведь, рыба

УДК 392(571.56)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-88-96

ГОНЧАРОВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ — м.н.с. отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: gonni@kunstkamera.ru

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В. Н. Давыдов).

Статья основана на полевых материалах, собранных автором в ходе экспедиционной деятельности в июле 2018 г. в поселке Жиганск Республики Саха (Якутия). Населенный пункт, в котором проводились исследования, находится в среднем течении реки Лены, в нем проживают представители эвенкийского, якутского, русского населения и других групп. Цель статьи — показать особенности отношения местных жителей к некоторым видам животных в зависимости от места рассматриваемых видов в хозяйственно-культурном пространстве. Наибольшее внимание уделено сюжетам, связанным с собакой и медведем, что обусловлено характером собранного материала, в меньшей степени в наше поле зрения попали нарративы о рыбе и птице.

Вопросы взаимодействия человека с животными в контексте севера Восточной Сибири изучались многими исследователями с разных точек зрения. В первую очередь нас интересуют особенности восприятия домашних и диких животных. Эти вопросы были освещены в работах Г. М. Василевич (1969), в которых представления о животных были проанализированы через призму мифологического осмысления окружающей среды. В трудах Ю. Б. Симченко была предпринята реконструкция доолневодческой культуры охотников на дикого оленя с соответствующими стереотипами отношения к окружающему пространству (Симченко 1976). Проблемы, связанными с прагматическим использованием народами Севера знаний о животных во время охоты, занимается В. И. Дьяченко (2014: 694). Символические аспекты взаимодействия с животными, в частности с оленем, проанализированы в работе Д. В. Воробьёва. Он показал интересные связи животных, снов, человеческих действий и их следствий (Воробьёв 2014: 702–710).

Британский исследователь Тим Ингольд изучал более отвлеченные от конкретного материала вопросы, связанные со спецификой охотничьего и скотоводческого хозяйства, и пришел к выводу, что для первого характерна бóльшая взаимность между человеком и животным, в то время как при скотоводческом типе хозяйства человек доминирует над животным, практически полностью подчиняя его своей воле (цит. по: Stepanoff 2017: 57). С этой точкой зрения спорили многие исследователи, в том числе французский специалист Шарль Степановф. В контексте дискуссии о характере взаимоотношений «человек — животное» он утверждает, что они могут быть различными и для скотоводческого хозяйства, когда взаимодействие характеризуется «прерывистыми сосуществованиями», не предполагающими полного подчинения и полного одомашнивания животного (Ibid: 69). Особенности взаимодействия человека и животного в условиях оленеводческого хозяйства показаны в работах В. Н. Давыдова (2014: 116). Проблема взаимоотношений человека и животных сопряжена с более общими вопросами существования человека в среде, феноменологическому осмыслению этой темы посвящена монография В. Н. Давыдова, В. В. Симоновой, Т. Ю. Сем, Д. Брандишаускас (Давыдов и др. 2016: 7) и некоторые другие работы.

Мы будем рассматривать взаимоотношения человека и животных в контекстах, полученных нами в результате интервьюирования и сформированных методом включенного наблюдения.

С о б а к а

Большое значение для местного населения имеет собака: она верный помощник на охоте (практически все мужчины в Жиганске — охотники и рыбаки) в поиске дичи, защите от непредвиденных ситуаций (нападение медведя), незаменимый напарник в загонных операциях и т. д. Поэтому характер собаки, ее поведение и способности находятся под пристальным вниманием хозяина.

На мои вопросы о том, каким образом можно воспитать собаку с ценными для охоты навыками, В. (34 года) отвечал, что такая цель недостижима путем воспитательных мер. Все дело в «даре», который либо наличествует, либо отсутствует от природы, а выявляется в процессе охоты. Собак,

по словам А., не нужно учить. «Зачем?» — спросил меня А. Я ответил: «Чтобы понимали команды хозяина», на что мой собеседник заметил: «... тут человека-то не понимаешь, а это собака».

Охотничьи качества собаки далеко не всегда коррелируют с ее физической силой. (Вообще для жиганских лаек (наиболее распространенная здесь порода) характерны поджарость и стройность.) Так, информант В. говорил, что его собака Болтик, будучи весьма крупной и крепкой физически, проявляла трусость на охоте, пряталась при появлении медведя, будучи не в состоянии сообразить, каким образом наиболее оптимально поступить в конкретной ситуации, поэтому В. хочет, чтобы Болтик оставил потомство с Гердой — его второй собакой, и затем усыпить ее.

Во время нашего разговора на улице около гаража пес А. Валентин не издал ни единого звука, то есть нельзя было понять, что в это время он находится совсем рядом — за гаражом. Как отметил хозяин собаки, это характерная черта его четырехлапого товарища: он никогда не будет уделять свое внимание незначительным отвлекающим факторам, будь то люди, проходящие по улице, или пробегающие мимо собаки. Однако на охоте, когда необходимо применить все свои навыки для выполнения «прямых» обязанностей: загнать дичь, указать след или защитить хозяина, стройный, аккуратный Валентин становится яростным и неотступным. А. сказал, что у Валентина есть «дар». В. добавил, что «утонченность» Валентина в совокупности с очень высокой ловкостью позволяет ему уворачиваться от ударов медведя, что он неоднократно демонстрировал, спасая хозяина во время охоты.

Эмоциональное восприятие собаки наиболее рельефно проявляется в следующем примере. А. рассказывал, как однажды на охоте он решил наказать Валентина за непослушание, поэтому, когда они ехали в лодке, А. сбросил пса в воду. После этого Валентин «затаил обиду» и, улучив момент, уже на берегу, куда А. приехал на охоту, перегрыз веревку, которой лодка удерживалась у берега. В результате лодку унесло течением, а Валентин убежал. К счастью, А. удалось обнаружить свое транспортное средство ниже по реке, прибитое к берегу, но это произошло лишь через несколько дней. Валентин тоже вскоре вернулся, но А. некоторое время с ним не разговаривал, игнорировал пса. Также А. рассказывал об одном из своих товарищей, который боялся говорить что-либо отрицательное или укоризненное о Валентине в присутствии собаки, поскольку опасался физического ответа со стороны четвероногого компаньона.

Продолжая тему «дара», то есть, в понимании местного населения, некоторых врожденных способностей, которые обнаруживаются со временем, нужно вспомнить рассказ В. про его псов Болтика и Герду. Однажды вечером мы с В. сидели на веранде дома его родителей, дверь на улицу была приоткрыта, снаружи без ошейника бегала Герда. Она скулила, нервничала, по ней было видно, что ей очень хочется перейти через порог: собака подходила вплотную к крыльцу, неоднократно собиралась переступить через порог, но каждый раз останавливалась, и по тому, как она тряслась, поскуливала, нервно виляла хвостом, было видно, что не переступить порог для нее очень трудно, что внутри собаки происходит «борьба желания и долженствования» [интерпретация автора, подтвержденная хозяином собаки]. Поскольку мне впервые приходилось наблюдать подобное поведение собаки, я обратился к В. с вопросом, почему Герда не осмеливается перешагнуть порог дома, каким образом собакам внушается, что они не должны так поступать. В. ответил, что собак этому специально не обучают, поскольку они сами знают, что дом хозяина — это принципиально иное пространство по сравнению с тем, в котором они могут находиться. Также собаки не имеют права заходить на территорию палатки или балагана на охоте. В. следующим образом обозначил характер отношения человека и собаки: «Мы для них как боги». Если собака нарушает возложенные на нее обязательства, не справляется со своей прямой функцией, от нее избавляются.

Так было с псом, который не отличался большой сообразительностью, неоднократно пытался проникнуть в палатку хозяина на охоте, воровал еду. После того как ночью он прогрыз до дыр ботинки хозяина, что нарушило нормальный ход охоты, его застрелили.

Интересными представляются особенности, связанные с наречением собак. Ими поделился с нами информант 1933 г. р. (Е. И.), который в бытность свою ребенком еще кочевал с родителями по Жиганскому улусу. По словам информанта, имя собаке давали, как правило, на второй неделе после рождения в зависимости от того, на какого зверя была похожа собака или какими визуальными особенностями отличалась. Собака должна быть похожа на определенного зверя, а название зверя служит основой имени собаки. В будущем эта собака будет наиболее эффективна в охоте именно на этого зверя. Так, были распространены имена Кистиит (от *киис* (здесь и далее все слова якутские) — соболь и *тиит/дит* — охотник), Сыгылдит (от *сыгыл* — лиса), а также Гоырык (черный), Бэлиэ (отметина; если щенок рождался с четко выраженным пятном на теле).

Е. И. рассказывала, что во времена ее детства эвенки воспитывали собак вместе с детьми с целью достижения определенных результатов на охоте. Например, для охоты на гусей и лебедей готовили собаку белого окраса. По словам Е. И., существовало два основных способа охоты на этих птиц.

(1) Охотники, ребенок и собака подходят к месту скопления лебедей (к озеру) с подветренной стороны. Охотники остаются в засаде, ребенок и собака с двух сторон начинают обходить птиц (аккуратно, поскольку у лебедей в стае существуют «сторожа» (около пяти птиц на группу), которые стоят вокруг озера, вытянув шеи, карауля постороннего, и готовы закричать в случае замеченной опасности). Ребенок, одетый в белое (в жилетке из лебединых перьев и платке), вместе с белой собакой, обойдя стаю, начинает гнать птиц в сторону охотников. Лебеди от неожиданности кружатся по земле, затем взлетают, в это время охотники стреляют по перепуганной птице.

(2) Охотник, ребенок (в белом) и собака (белого окраса) подходят к лесной поляне, далее охотник остается в засаде, а ребенок и собака выходят на открытое пространство и начинают бегать вперед и назад, имитируя движение волны. Во время их бега к поляне подлетают лебеди и повторяют в воздухе кульбиты замеченных ими на земле объектов. Охотник прицеливается и стреляет.

Насколько нам известно, в настоящее время не существует строгих критериев выбора клички для собаки. Одна из собак моего информанта В., по кличке Болтик, была названа так его братом, потому что он постоянно брал щенка с собой в гараж, где занимался хозяйственными делами. Собаку сейчас называют либо Болтик, либо Болта. Валентин (собака А.) получил свое имя, поскольку родился 14 февраля.

Следующий сюжет иллюстрирует особенности «социализации» собаки и реакцию на ее поведение со стороны хозяина и его родственников. Когда мы с Е. И., бабушкой В., ходили за голубикой в место, которое находится примерно в двух-трех километрах от поселка, В. отправил с нами Герду (ей всего один год), поскольку около поселка недавно был замечен медведь, а собака в случае его приближения могла бы предупредить нас об опасности. Как сказал В., это первый самостоятельный выход Герды в лес (в необжитое пространство), поэтому и ему было интересно, как она поведет себя. Нужно отметить, что Е. И., до того практически незнакомая с Гердой, после нашего похода за ягодами стала относиться к ней весьма критически, что было обусловлено несколькими причинами. Основной из них было то, что во время нашего отдыха или пересыпания ягод в ведро Герда постоянно мешала, совала свою морду под руки, едва не переворачивая емкости с ягодами, за что получала критические замечания, а затем уже и вовсе унижительное прозвище от Е. И. Переживая за съестные припасы, которые мы брали с собой, Е. И. попросила меня подвесить их к дереву на

высоту, недоступную для собаки, так же мы поступили и с собранными ягодами. Иногда Герда ходила или лежала неподалеку от нас, но периодически скрывалась из виду, не откликаясь на голос, что тоже вызывало нарекания с нашей стороны. В итоге Е. И. весьма негативно охарактеризовала Герду. Надо полагать, что эта информация была неожиданной и неприятной для В., так как сутками ранее он говорил мне, что возлагает большие надежды на Герду, поскольку Болтик совсем плохо справляется со своими охотничьими обязанностями.

Вечером того же дня, когда мы вернулись домой, не обнаружили Герду, следовавшую до этого за нашей машиной. В. не высказал обеспокоенности по этому поводу, наоборот, он сказал, что собака должна побывать на свободе. Это можно рассматривать как очередной этап собачьей «социализации», поскольку до этого момента она всегда находилась на привязи рядом с Болтиком, у дома. Действительно, собака вернулась лишь к вечеру следующего дня, она была травмирована и хромила. В. заключил, что Герда вступила в конфликт с другими собаками, которые нанесли ей увечья, но опять не выказал своих эмоций, а лишь констатировал произошедшее. С момента нашего похода за ягодами отношение В. к Герде явно изменилось: ее стали реже сажать на привязь, она часто самостоятельно бегала по территории поселка.

Встает вопрос, каким образом мы можем описывать поведение домашних животных? (Можно обозначить его шире: каким образом мы способны описывать любое поведение?) Однако с животными этот вопрос обнаруживается, на наш взгляд, более рельефно. Описания (по крайней мере эмные) в данном случае выявляют высокую степень антропоморфности терминологии и используемых речевых шаблонов по отношению к животным, хотя в то же время разница между человеком и животным (в данном случае собакой) всегда осмысливается (высказывание «Мы для них как боги» или, например, В., показывая остатки еды Е. И., спросил у нее: «Это нужное или собачье?»).

На мой вопрос о том, хватает ли его собакам на привязи одноразового питания (иногда, но редко, собак не кормили вовсе), В. отвечал: «Если пес — найдет, если нет — пропадет». Из этого следует, что псом еще нужно стать. Пес — это тот, кто соответствует определенному образу, набору характеристик, кто может выполнять все необходимые функции пса.

Помимо домашних (хозяйских?), в Жиганске на улице много бездомных собак, и порой они ведут себя агрессивно. В. рассказывал, что его восьмидесятилетнюю бабушку недалеко от ее дома несколько лет назад сильно поранила одна из них. Периодически в поселок приезжает служба по отлавливанию бездомных собак. Они ловят всех не находящихся на привязи псов и усыпляют (критерием бездомности в данном случае является непривязанность (поводком)).

М е д в е д ь

Традиционно медведь занимал особое место в культуре народов Сибири таежного пояса (Василевич 1969: 216). Отголоски многочисленных обрядов и представлений, связанных с медведем (в том числе «каноничных», вошедших в традиционные монографические издания (Василевич 1969: 217)), дошли до наших дней, это подтверждает и жиганский материал.

До сих пор сохраняются представления о том, что медведь похож на человека: например медвежья лапа сравнивается с человеческими пальцами. Помимо этого, существуют сюжеты о «человеческом» поведении медведя. Например, он собирает голубику двумя лапами, а затем подносит ягоду в «ладонях» ко рту и ест или стоит у реки на двух лапах, как человек, и время от времени вылавливает рыбу из воды. Также существуют истории, когда местные жители путают медведя с человеком и применяют соответствующие стереотипы поведения, однако, осознав свою ошибку, резко меняют способ взаимодействия. Последний пример иллюстрируется следующей ситуацией,

рассказанной мне одним из информантов: «Ребята [у реки] рыбу солили, а потом смотрят — рыбу мужик какой-то... бочку взял и на двух ногах идет. “Аа! — кричат ему. — Ты куда нашу рыбу?!”, и за ним идут, а он быстрее. Потом приблизились — ой! медведь, оказывается! Повернулся — и оскал! И они обратно. И он так и ушел на двух ногах».

Неоднократно приходилось слышать определение медведя как «умного», подтверждением чему являлись многочисленные рассказы о том, как он варил кашу у охотничьей стоянки, как достал из лодки куртку, расстелил ее в качестве скатерти и аккуратно расставил на ней бывшие тут же в картонном ящике чашки, как разобрал по частям оставленный снегоход и т. д.

Несмотря на ум и антропоморфность зверя, встреча с медведем никогда не является желанной. На наш взгляд, одна из основных причин особого статуса медведя имеет рациональный характер и заключается в прямой угрозе с его стороны человеку, попадающему в лес. Поскольку историй про волков я практически не встречал, можно заключить, что наибольшую опасность для человека представляет именно медведь, и поэтому он находится под пристальным вниманием местных жителей. Однако многовековая рефлексия над образом животного не позволила людям полностью обезопасить себя. В позапрошлом году в районе Жиганска медведь задрал человека. Мне встречалась информация о том, что раньше существовало поверье, согласно которому «медведь человека не трогает», тем не менее зверя боялись и встречи с ним старались избегать.

Сохраняются и сюжеты, связанные с пропажей девочки и последующим ее обнаружением вместе с медведем. Г. М. Василевич полагала, что в подобных мифологемах прослеживается представление о том, что медведь некогда был человеком. Связь медведя с сотворением человека, по мнению исследовательницы, отражена в многочисленных мифах, в которых медведь появляется рядом с девушкой (Василевич 1969: 216–217). Историю с таким же сюжетом рассказала нам Е. И. В Сялахе (поселок, где родилась Е. И., в 90 км к югу от Жиганска) в 1890 г. (или 1880 г., Е. И. точно не помнит) жила маленькая девочка. Однажды осенью в возрасте приблизительно четырех-пяти лет она потерялась. Искали всем поселком, однако найти ребенка не удалось. Весной следующего года местный охотник увидел медведя, идущего вместе с маленьким зверьком, определить которого охотник не смог. Позже он подошел к следам, оставленным медведем и неопознанным существом, и увидел, что это следы не медвежонка, а незнакомого ему зверя, ползущего на четвереньках.

Охотник стал следить за удаляющимися фигурами и вскоре обнаружил, что этот маленький зверек и есть пропавшая девочка. Тогда он рассказал об увиденном всем местным охотникам. Снова отправились на поиски. В этот раз медведя с девочкой нашли быстро. Одежда на ребенке была сильно изношена, и, как сказала моя информантка, было неясно, каким образом девочке удалось пережить зиму. Проблема была в том, что медведь не отпускал ребенка на большое расстояние от себя. Через некоторое время охотникам удалось выждать момент, чтобы атаковать зверя, и они закидали его камнями и, «может, копьями» (ружья не использовали умышленно, чтобы ребенок ничего не увидел). После того как медведь был повержен, его засыпали листьями и ветками, однако девочка, вернувшись, побежала не к охотникам, а к убитому медведю. Обнаружив мертвого зверя, она начала плакать и не могла прийти в себя в течение длительного времени даже после того, как ее вернули родителям.

Девочка росла, и спустя годы у нее родился сын, у которого тоже был ребенок. У него — еще два мальчика. Сыном одного из них является нынешний глава Жиганского наслега В. С. Е. И. говорила, что в семье В. С. все отличались большой физической силой (В. С., например, мастер спорта по борьбе). Интересно, что, как сказала Е. И., когда братья В. С. были детьми, они в шутку говорили: «Мы медведи!», после чего начинали бегать по поселку и гонять других детей.

Другой распространенный сюжет описывает способ, каким можно вызвать медведя «помериться силой» (или, наоборот, таким образом медведь вызывает человека) (Василевич 1969: 217). Для этого, по словам Е. И., в лесу на стволе дерева, где есть след от медвежьей лапы, охотник делает засечку ножом или топором выше медвежьей отметины. Через некоторое время он возвращается и обнаруживает выше своей засечки новый след от медвежьей лапы. Далее охотник делает засечку выше медвежьего следа, показывая тем самым, что «не боится». Зверь, «утверждая», что на этой территории хозяин он, оставляет еще один след и так далее, насколько хватит человеческого и медвежьего роста. После этого они могут встретиться в лесу очно. Мой информант В. подтвердил эту информацию, сказав, что видел такие деревья и лично оставлял метки и даже несколько раз встречался с медведем, однако ни разу не застрелил его, поскольку, по словам В., медведь ему ничего не сделал, к тому же впоследствии медведь (его «семья») может отомстить.

Рыба

Рыболовство — основной наиболее распространенный и общедоступный промысел, с этим связано преимущественно утилитарное отношение к объекту промысла — рыбе — и соответственно детальное «рациональное» знание в обращении с ней (сезонные особенности, влияние приливов-отливов, погоды и пр.). Были также зафиксированы сюжеты, в которых физические характеристики рыбы гиперболизируются. Например, случай на рыбалке, когда мой информант тянул спиннингом щуку, которую в ходе этого процесса съела другая щука, через некоторое время тоже оказавшаяся поглощенной более крупной особью.

Рыболовецкий промысел важен в хозяйственной деятельности населения. Те, кто ловит рыбу в промышленных масштабах, сбывают ее проходящим мимо судам, туристам либо отвозят в Якутск. Для хранения улова в домашних условиях у многих жителей поселка в домах находятся специальные морозильные камеры. Каждый год в Жиганске проводятся общереспубликанские соревнования по подледному лову ряпушки (в ноябре) и рыболовный фестиваль «Путина Заполярья» (в конце августа — начале сентября).

В качестве гастрономических предпочтений стоит отметить фиксируемое у многих информантов (эвенков и якутов) отрицательное отношение к щуке и налиму. Про первую было сказано, что она идет в основном на корм собакам, а если ее подают к столу, то лишь в виде котлет. У Г. М. Василевич встречается упоминание о том, что в среде подкаменнотунгусских эвенков существовал запрет на употребление мяса налима и щуки, который исследовательница считает заимствованным от соседних народов. Исследовательница также писала, что тотемическое отношение к рыбе у эвенков не выявлено (Василевич 1969: 219). Нами был записан интересный обряд исцеления женщины, тяжело больной гепатитом, при помощи щуки, имевший место в 1960-х гг. Как нам было сказано, после этого выздоровевшая женщина больше никогда не употребляла щучье мясо, поскольку существует представление о том, что недопустимо есть мясо того животного, благодаря которому человек поправился.

Помимо этого, по теме тотемных животных нами были записаны следующие сведения. У. Х. на мой вопрос о тотемных животных их рода сказала, что в их семье не принято убивать лебедей, поскольку тогда девочка в семье будет болеть. Это связано с тем, как объяснила У. Х., что лебедь — «красивая птица» и девочка/девушка — красивый человек. Таким образом, убивая одно красивое создание, человек наносит вред другому. У. Х. до сих пор не нравится, когда охотятся на лебедей, и она высказывалась против охоты на эту птицу. Информант А. С. сказал, что в их семье тотемным

животным был соболь и поэтому членам его семьи нельзя охотиться на него. В их доме висит соболиный хвост, являющийся объектом почитания, по словам А. С.

В качестве вывода отметим, что собака осмысливается нашими информантами в категориях долженствования, медведь же, напротив, «сам по себе», он субъектен, человек называет его «умным», боится его, зачастую относится к нему как к равному. Отличительная особенность птиц и рыб в том, что они живут в других средах (в вертикально разных мирах¹). Граница между человеком и животным миром моими информантами определяется четко, тем не менее выделяются определенные группы животных, предполагающие различный подход, разное поведение со стороны человека. Наиболее явной является оппозиция «домашнее/дикое животное». К первой группе из рассмотренных нами относится лишь собака, которая отличается характеристиками, проявляющимися в высказываниях: «чтобы быть собакой, собака должна выполнять ряд функций» [сформулировано автором] или «если пес — найдет, если нет — пропадет». То есть «собаковость» напрямую зависит от отношения собаки с человеком, потому что те функции, которые она должна выполнять, чтобы быть собакой, продиктованы потребностями человека. Однако ее «природность» и «живость», можно предположить, заключаются в «даре», которым одни собаки обладают, а другие — нет. Но те, которые не обладают даром, по словам моих информантов, и не являются полноценными собаками.

В нарративах о животных фигурируют и вымершие виды, которые тем не менее продолжают принимать участие в жизни Жиганского наслега, но в иной форме, и поэтому не воспринимаются как полноценные животные. Это относится к мамонту, вернее, к добыче мамонтового бивня для изготовления поделок, которые заказывает у местного костореза администрация, приобретают туристы и просто соседи по торжественным поводам (дни рождения и пр.). Мамонт как животное, включенное в рефлексивную сеть, отсутствует, поскольку объектом выступают его бивни. Поэтому он воспринимается с сугубо утилитарной точки зрения.

Еще одной особенностью взаимодействия человека с животным миром является прямое или опосредованное отношение с ним. Непосредственные отношения характерны для взаимодействия с домашними животными (собакой), поведение которых максимально предсказуемо. Опосредованная форма характеризует отношение к диким животным, поскольку поле общения с ними гораздо менее структурировано. В данном случае универсальным способом коммуникации является обращение к «медиатору», роль которого чаще всего исполняет дух-посредник *Байанай*. К нему обращаются с просьбами, приносят небольшие жертвы и пр.

В заключение отметим следующее. На наш взгляд, собранный материал показывает, что домашних и диких животных объединяет «природное», выступающее в качестве «духа», который может проявлять себя, — это «дух» субъектности, «дух» жизни: в собаке — дар/несобаковость, в медведе — ум/дикость, в рыбе — ее хтоническая природа (Степанов 2012: 113). Кроме того, разные среды обитания животных предполагают свои термины и логику описания их существования.

¹ Вертикальное членение мира характерно для якутской и эвенкийской традиционной картины мира. Медведь, конечно, тоже живет в ином пространстве, но оно горизонтальное. Он воспринимается как человек («умный» и т. д.), но живущий в иных ландшафтах (в лесу). Существуют истории, согласно которым местное население даже принимало медведя за человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVII — начало XX в.). Л., 1969.
- Воробьев Д. В.* Дикий северный олень в верованиях эвенков и инну (соотношение «общего» и «особенного») // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб., 2014. С. 702–712.
- Давыдов В. Н.* Исследование отношений человека и оленя в южной Якутии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 14. СПб., 2014. С. 95–117.
- Давыдов В. Н., Симонова В. В., Сем Т. Ю., Брандишаускас Д.* Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб., 2016.
- Дьяченко В. И.* Охотник и дикий северный олень: поведение во время промысла // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб., 2014. С. 693–702.
- Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
- Степановф Ш.* Пространственные технологии и дороги якутских шаманов // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 108–117.
- Stepanoff C., Marchina C., Fossier C., Bureau N.* Animal Autonomy and Intermittent Coexistences // Current Anthropology. 2017. Vol. 58. P. 57–81.

ANIMALS IN THE NARRATIVES OF THE POPULATION OF ZHIGANSK VILLAGE IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

ABSTRACT. The article describes some features of relationships between humans and animals and specific perceptions of animals by humans. The paper is based on the field materials collected by the author during his expeditions to the village of Zhigansk in the Republic of Sakha (Yakutia). The selection of animals and the content of the text devoted to them are directly related to the nature of the material which the author possessed. The author examined narratives dealing with dogs, bears, fish and birds, as well as with mammoths who have an indirect impact (through the extraction of tusks) on the economic and cultural life of the village today. As a result, the author reveals some features of the concepts of the ‘domestic’ and the ‘wild’, provides a classification of the animals in question and attempts to analyze the specific traits of people’s interaction with different groups of animals.

KEYWORDS: human-animal relationship, perception, interaction, dog, bear, fish

NIKOLAY S. GONCHAROV — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: gonni@kunstkamera.ru